

Парасин Наталия Демьяновна

СТРАТЕГИИ ПЕРЦЕПТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПОЛЯ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Т. ШЕВЧЕНКО)

В статье выделены две стратегии формирования эмоционального поля поэзии Т. Шевченко посредством цветообозначений. Номинативно-дескриптивная стратегия состоит в использовании поэтом лексики эмоций, которая получает в тексте дополнительную колористическую характеристику. Ассоциативно-дескриптивная стратегия представляет способ формирования эмоционального поля текста только средствами цветописи, без вербального указания на конкретный вид эмоционального состояния персонажа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 167-171. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**DEVELOPING OF CONCEPTION OF „RISORIAL WORD“
IN THE WORKS OF M. M. BAKHTIN OF THE 1930S – 1960S**

Osovskii Oleg Efimovich, Doctor in Philology
Dubrovskaya Svetlana Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Ogarev Mordovian State University
osovskiy_oleg@mail.ru; s.dubrovskaya@bk.ru

The conception of “risorial word” presents oneself as a key element of general theory of risorial culture developed by M. M. Bakhtin. The article investigates the basic characteristics of “risorial word” identified by M. M. Bakhtin over a period of the 1930s-1960s in the functioning of this phenomenon in the general area of comical. The authors define the meaning of the conception of “risorial word” for understanding of the process of comical discourse development in the Russian literature of the XIXth – XXth centuries.

Key words and phrases: philological theory of M. M. Bakhtin; “risorial word”; comical discourse; modern humanities knowledge; conception of risorial culture.

УДК 81'371

Филологические науки

В статье выделены две стратегии формирования эмоционального поля поэзии Т. Шевченко посредством цветообозначений. Номинативно-дескриптивная стратегия состоит в использовании поэтом лексики эмоций, которая получает в тексте дополнительную колористическую характеристику. Ассоциативно-дескриптивная стратегия представляет способ формирования эмоционального поля текста только средствами цветописы, без вербального указания на конкретный вид эмоционального состояния персонажа.

Ключевые слова и фразы: перцептивная лексика; цветообозначение; лексика эмоций; поэтическая речь; язык поэзии Т. Шевченко.

Парасин Наталия Демьяновна, к. филол. н.

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)
paranet@ukr.net

**СТРАТЕГИИ ПЕРЦЕПТИВНОГО ФОРМИРОВАНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПОЛЯ ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Т. ШЕВЧЕНКО)®**

Проблема, вынесенная в заглавие статьи, предполагает развитие идей в русле двух наук – лингвистики эмоций и лингвистики цвета, которые имеют много общего, прежде всего, ввиду ментальной способности человека ассоциировать проявления внутреннего мира с цветовыми характеристиками. Современная эмотиология учитывает не только связь понятийной структуры с мышлением, «она включает все естественные измерения нашего опыта, которые приобретаются с помощью органов чувств – цвет, форму, текстуру, звук и т.п.» [6, с. 251].

Несмотря на то, что эмоции довольно поздно заинтересовали лингвистов, значительное количество работ по этой тематике (Ю. Д. Апресян (1995), Н. Д. Арутюнова (1988), Л. Г. Бабенко (1989), А. Вежбицкая (1999), П. Екман (2003), М. Джонсон (1989), Ж. Кевечеш (1988, 2000), Н. А. Красавский (1990), В. И. Шаховский (1995, 2007, 2008) и др.) свидетельствует о культурной и социальной значимости научного направления, а также о сложности явлений внутренней жизни человека для восприятия и языковой рефлексии. Параллельно с развитием науки об эмоциях все более четкие формы обретает лингвистика цвета, объекты которой исследуются с позиций исторического развития (М. К. Бахилина (1975), Л. М. Грановская (1964), Ю. В. Норманская (2005), И. В. Садыкова (2006)), когнитивных образований (Е. В. Рахилина (2008)), лексико-семантических объективаций (Р. В. Алимпиева (1982), А. А. Брагина (1972)), сопоставительных модификаций (А. П. Василевич (1987), В. Г. Кульпина (2002), М. Б. Талапина (2008)) и т.п. Цвет является значимым компонентом ментального пространства писателя, поэтому анализ цветосемантики, цветописы, светописы дает возможность проникнуть в философско-мировоззренческую концепцию автора, обозначить его аксиологические установки и эстетические приоритеты. Перцептивные художественные предпочтения служат не только средством изображения картины мира, но и становятся фактором создания настроения, необходимого для адекватной интерпретации авторского замысла.

Возникновению эмоций в большинстве случаев предшествует восприятие или интеллектуальное созерцание какого-то положения вещей и его интеллектуальная оценка как позитивного или негативного для субъекта, вероятного или маловероятного и т.д. [1, с. 47]. Утверждение современных психологов о существовании неоспоримой связи между цветовосприятием и эмоциями человека имеет глубокие философские корни, зафиксированные, например, в индийской культурной традиции «Ригведой», в китайской – «Книгой перемен» и др. [2], и еще более древнюю символическую историю, возведенную, по исследованиям В. Тэрнера [8] и других, к временам

первобытных человеческих обществ. В сонме дисциплин, посвященных изучению цвета, важное место занимает лингвистика цвета как отдел психолингвистики (А. П. Василевич (1982, 1987), Р. М. Фрумкина (1984)), в последнее время активизировались работы по установлению связи между цветообозначениями и базовыми эмоциональными концептами в художественном дискурсе и в идиолектах писателей (А. Ю. Вычужанина (2009), А. К. Калжанова (2004) В. Г. Кульпина (2002), Н. В. Разумкова (2009) и др.). Полнота описания подобных работ при их небольшом количестве (сравнительно с глубиной проблематики) не в состоянии заполнить белые пятна избранной темы, проступающие даже при беглом осмотре. Учитывая, что объем статьи предоставляет ограниченные возможности теоретического анализа, формулируем конкретное исследовательское задание – определить основные стратегии формирования эмоционального фона текста средствами цветообозначений. Материал исследования представлен поэтической речью Т. Шевченко.

Категория эмотивности в тексте объективирует многовариантное явление, способное репрезентировать эмоциональное состояние персонажей, лирического героя, автора в различной языковой форме – морфемной, словообразовательной, словесной, текстовой – и вызвать резонансную реакцию читателя. Таким образом, в тексте указанная категория отражает различные виды эмоционального содержания: с одной стороны, эмоции в виде эмотем входят в когнитивное содержание текста, с другой – составляют часть прагматических стратегий автора, формируя, соответственно, эмотивный фон и эмотивную тональность текста [4, с. 8], которые образуют эмотивное поле текста.

Несмотря на огромное количество работ по изучению эмоций, в этой области осталось много неопределенного, спроецированного онтологической сущностью исследованных явлений. В науке существует большое количество классификаций эмоций, насчитывающих порой более 50 компонентов. Увеличение числа отдельных эмоций все равно не может удовлетворить научные потребности при анализе этих явлений, поскольку внутренние состояния человека зачастую не поддаются однозначному классифицированию. Наиболее приемлемой для избранного вектора работы является, на наш взгляд, упрощенная классификация, базирующаяся на выделении 3 групп эмоций – позитивных, негативных и нейтральных – с последующим дроблением каждой из групп в зависимости от предоставленного в поэтических текстах материала.

Проведенный анализ подтвердил существование ассоциативной связи между цветом и эмоциональным состоянием. В поэтической речи Т. Шевченко черный цвет сопоставляется с так называемыми негативными эмоциями – гневом, страданием, печалью, душевной болью. Белый цвет преимущественно свидетельствует об обобщенно-положительных (радость, счастье) или нейтральных (спокойствие) эмоциях. Зеленый в творчестве Т. Шевченко объективирует положительные эмоции, связанные с процессом жизни, развития, молодости, плодоношения. Красный транслирует семантику в полярные эмоциональные области как предоставитель концептов «Красота» с позитивным эмоциональным оттенком и «Смерть», «Кровь», «Огонь» с негативной эмоциональной окраской. Сравнительно слабое эмоциональное поле демонстрирует синий цвет. При этом проявляются некоторые специфические черты взаимодействия эмотивного и перцептивного смыслов. Так, в поэтической речи Т. Шевченко колористическая лексика превалирует в ситуациях с неопределенными, обобщенными эмоциональными состояниями, трудно поддающимися терминологической номинации. Страдание неотделимо от тоски, тоска переходит в печаль, которая тоже демонстрирует разные степени эмоционального наполнения. Эмоциональный план текста поддерживается характеристикой психологического состояния персонажа.

В результате анализа выделены номинативно-дескриптивная и ассоциативно-дескриптивная стратегии формирования эмотивного поля поэтического текста.

Номинативно-дескриптивная стратегия состоит в лексической вербализации эмоционального состояния и его цветовой характеристики. Она реализуется посредством нескольких тактик, среди которых наиболее четкой является использование в едином микроконтексте номинантов эмоций и цвета. При соединении цветовой и эмоциональной семантики в символическом значении (например, *чорна туга, зелений сум* / «черная тоска, зеленая печаль») (*здесь и далее перевод автора – Н. П.*) колоратив выполняет эмотивную функцию в качестве эпитетной характеристики определенного внутреннего состояния личности. Т. Шевченко не использует этот прием, предпочитая или прямое наименование эмоции, или ее фоновое, трудно различимое представление посредством цветового наполнения. Единственным примером указанной стратегии могут служить строки из комедии «Сон», в которых эпитет закодирован в глаголе, выражающем динамический признак явления в противоположность статическому прилагательному: *Лети ж, моя думо, моя люта муко, Забери з собою всі лиха, всі зла... Бери ж їх, лети Та по всьому небу орду розпусти. Нехай чорніє, червоніє, Полум'ям повіє, Нехай знову рига змії, Трупом землю криє* [9, с. 269] / «Лети же, моя дума, мое свирепое мучение, Забери с собой все беды, все зло... Бери же их, лети И по всему небу орду распусти. Пусть чернеет, краснеет, веет пламенем, пускай снова извергает змеи, покрывает землю трупом».

Следующая тактика учитывает, что часть лексики с цветовым компонентом входит в состав лексико-семантического поля «Эмочия» как маркер ее экстралингвистического проявления. В соответствии со способностью эмоции проявляться в действии, движениях, внешнем виде, голосе выделяют эмоциональные состояния и эмоциональные реакции. Эмоциональные реакции, обусловленные физиологическими процессами, в отличие от эмоциональных состояний открыты для визуального перцептивного анализа. Дескрипция эмоциональных реакций основывается на перцептивной лексике, включающей лексику с цветовым компонентом: *Мов кедр серед поля Ливанського, у кайданах Став Гус перед ними! І окинув нечестивих Орліми очима. Затрусилась, побіліли, Мовчки озирали Мученика* [Там же, с. 293] / «Подобен кедру среди поля Ливанского, в кандалах Стал Гус перед ними! И окинул нечестивых Орлиным взглядом. Затряслись, побелели, Молча смотрели на Мученика».

В формировании высказывания имеет значение как смысл отдельной языковой единицы, так и смысл, образованный в результате соединения этих единиц. Близкое расположение лексики эмоций и цветообозначений усиливает позиции эмотива, придает ему косвенную колоративную характеристику, способствующую созданию более выразительного контекста, более яркой картины с эмоционально сильным компонентом, действующим на подсознание реципиента, формируя третью тактику: *Стоїть село. Невесело На горі палати Почорніли* [10, с. 33] / «Стоит село. Невесело На горе палаты почернели».

Языковая картина мира объективируется, прежде всего, словом как полнозначной смысловой единицей, однако не вся информация в художественном тексте представлена эксплицитно, поэтому важно учитывать процессы формирования подтекстовой эмоциональной информации. Субъективно-психологическое отношение человека к содержанию высказывания может быть выражено языковыми средствами, не имеющими отношения к категории эмотивности, но актуализирующими определенную лексическую категорию, прежде всего категорию цветообозначений. Формирование эмоционального поля текста эксплицитными средствами представляет **ассоциативно-дескриптивную стратегию**, реализованную посредством различных тактик.

Диффузность и неопределенность эмоций, попытки их анализа на одном уровне, прежде всего на уровне художественного текста, но с разных позиций обуславливают необходимость введения в научный оборот понятия эмотемы, под которой понимается «отрезок текста (от слова до всего текста), смысл которого или форма выражения содержания являются источником эмоционального воздействия» [3, с. 18]. Максимальные возможности экспликации эмотемы заложены в ситуациях описания внутреннего состояния персонажа, что дает возможность реализовать тематически-ассоциативную тактику формирования эмоционального поля текста. Отсутствие лексики эмоций замещает абсорбция значений слов разных лексико-семантических групп, в том числе цветовых, которые в соответствии с коммуникативной интенцией автора образуют эмоциональную тональность, усиливая общую эмоциональную насыщенность текста. Так, например, отрывок *Раз увечері зимою Марина дивилась На ліс чорний, а з-за лісу Червоний, діждою, Місяць сходить...* [10, с. 105] / «Однажды вечером зимой Марина смотрела на лес черный, а из-за леса Красная, как бочка, Луна восходила ...» определяет отчаяние героини поэмы, предвосхищая ее намерения покончить со своими страданиями любой ценой. Даже в отрыве от дальнейшего контекста строфа демонстрирует крайнюю степень психического напряжения, приближение к границе между миром реальности и нереальности, разума и безумия.

Психическое состояние индивида в аспекте нормы не привлекает внимания, в поле зрения и реагирования попадают только ситуации, которые противопоставлены норме. При помощи разных цветов – белого и черного – Т. Шевченко раскрывает неадекватное психическое состояние персонажа: *Прошептала, задумалась, Потім заспівала: «Хата на помості, Наїхали гості, Розплітали коси Та стрічки знімали, А пан просить сала, А чорт їсти просить. Гуси, гуси білі В ірії полетіли, А сірі на морі!...»* [Там же] / Прошептала, задумалась, потом запела: «Дом на помосте, Понаехали гости, расплетали косы И ленты снимали, а господин просит сала, а черт кушать просит. Гуси, гуси белые В ирий полетели, а серые на море!...». Цветообозначения в цитации народной песни стали терминами с нулевой семантикой, мифопоэтическое значение которых затерялось во времени, хотя в широком контексте проявляется авторская значимость и мотивированность. Народное происхождение песни героини поэмы вызывает сомнение, поскольку проявляется бессодержательность песни, отсутствие какого-либо смысла в собранных и бессистемно рифмованных фактах (*гости, гуси, пан, черт*). Если же принять во внимание общую эмотивную направленность текста, предопределенную, прежде всего, содержанием и акцентированием отдельных фактов текстовой действительности – *черный лес, красная луна, вой псов, хохот псарей* – то станет понятной идея автора показать состояние наивысшей точки душевного напряжения героини, когда сознание уже выходит за пределы нормы, поэтому «улетели и белые, и серые гуси», а все пространство заняли «пан и черт».

Формирование эмотивного поля поэтического текста происходит на фоне предвосхищающей и оценочной функции когнитивного компонента содержания текста, что дает возможность позиционировать концептуально-ассоциативную тактику эмоционального воздействия. Некоторые концепты изначально связаны с эмоциями, поскольку концепты – «это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира» [5, с. 90]. К ним относятся наиболее обобщенные представления о добре и зле, красоте и уродстве, жизни и смерти и т.п. Традиционно в эту систему поляризации входит цветовая оппозиция «белый – черный», хотя экстраполяция семантики цветообозначений на концептуальную плоскость поэтического дискурса Т. Шевченко отрицает наличие однозначных корреляций. Так, черный цвет ассоциативно и на уровне синтагматических связей представляет эмоциональные координаты концепта «Смерть» в семантических вариантах: *тот, что определяет место захоронения как локус смерти: Земля козача зайнялась І кров'ю... полилась, І за могилою могила, Неначе гори, поросли На нашій, синочку, землі!* [9, с. 225] / «Земля казачья загорелась И кровью... полилась, И за могилой могила, будто горы, выросли На нашей, сыночек, земле!»; *тот, что делает возможной смерть: Піду шукать миленького, Втоплю своє горе, Втоплю свою недоленьку, Русалкою стану, Пошукаю в чорних [хвилях], На дно моря кану* [Там же, с. 80] / «Пойду искать милого, Утоплю мое горе, Утоплю мое несчастье, Русалкой стану, Поищу в черных [волнах], на дно моря кану». Позитивные эмоции черного цвета онтологически заложены в семантику концепта «Счастье / благо-состояние», проявляясь в семе *плодородный, готовый к посевам и новой растительности: Встала й весна, чорну землю Сонну розбудила, Уквітчала її рястом, Барвінком укрила* [Там же, с. 180] / «Встала и весна, черную землю Сонную разбудила, украсила ее рястом, Барвинком укрыла».

В противовес черному цвету как символу смерти семантика зеленого экспонирует концепт «Жизнь». Г. М. Яворская развивает идею о прототипичности растения для когнитивной семантики «зеленого» на основе специфики функционирования и типологии соединений последнего. Антагонистом зеленого в природе выступает желтый цвет, прототипически соотносимый с процессом увядания [11, с. 44–45]. В поэзии Т. Шевченко

номинативы «зеленый», «зеленеет» воспроизводят различные фазы цикла органической природы, объективируя концепт «Жизнь» посредством семантических центров *тот*, что воспринимается как живой: *Мов оазис, в чистім полі Село зеленіє. Ніхто в його не заходить, Тільки вітер віє... Довго воно зеленію, Поки люди з поля Пожарище не пустили* [10, с. 157] / «Как оазис, в чистом поле Село зеленеет. Никто туда не заходит, Только ветер веет... Долго оно зеленело, пока люди с поля пожарище не пустили»; *соотносимый с периодом наивысшего расцвета, развития*: *Ставок, гребелька, і вітряк З-за гаю крилами махає. І дуб зелений, мов козак, Із гаю вийшов та й гуляє Попід горою* [9, с. 203] / «Озеро, плотина и ветряк Из-за рощи крыльями машет. И дуб зеленый, как казак, из рощи вышел и гуляет Под горой»; *Пишається калинонька, Явор молодіє, А кругом їх верболози Й лози зеленіють* [Там же, с. 366] / «Гордо растет калина, Явор молодеет, а вокруг них ивынки И лозы зеленеют»; *тот*, что даст плоды: *Як на добрім полі Над водою посажене Древо зеленіє Плодом вкрите* [Там же, с. 11] / «Как на добром поле Над водой посаженное Древо зеленеет, укрытое плодами» и др. Таким образом, в образе зеленого растения закодировано и сохранено до нашего времени наполнение конкретной семантикой философского понятия «сущность человеческой жизни на земле» [7, с. 78].

Концептуальное противопоставление жизни и смерти наблюдается и на уровне других цветовых диглосий, например белого оттенка кожи молодого, здорового человека и синего оттенка кожи утопленника: *Серед села вдова жила У новій хатині, Білолиця, кароока* [9, с. 202] / «Среди села вдова жила В новой хижине, Белолицая, кареглазая» – *А ночі... Випливає з води мати, Сяде по тім боці; Страшна, синя, розхристана І в мокрій сорочці* [Там же, с. 206] / «А ночью... Выплывает из воды мать, Садится с другой стороны; Страшная, синяя, растрепанная и в мокрой рубашке»; черных глаз, типичных для портретной характеристики персонажей Т. Шевченко, и зеленых глаз существ из иного мира: *Не журюсь я, а не спиться Часом до півночі, Все світять ті блискучі Твої чорні очі* [Там же, с. 407] / «Не сокрушаюсь я, а не спится Порой до полуночи, Все светят те блестящие Твои черные глаза» – [Церква] *Оболонками старими, Мов мертвець очима Зеленими, позирає На світ з домовини* [10, с. 39] / «[Церковь] Оболочками старыми, Как мертвец глазами Зелеными, смотрит на мир из гроба»; жизнеутверждающей украинской зеленой и изможденной солнцем рудой казахской степи: *І там степи, і тут степи, Та тут не такі, Руді-руді, аж червоні, А там голубії, Зеленії* [Там же, с. 59] / «И там степи, и тут степи, Но тут не такие, Рудые-рудые, почти красные, а там голубые, зеленые» и др.

Пейзажно-ассоциативная тактика. Эмоции воссоздаются посредством ассоциативного восприятия состояний внешнего мира, физических действий и т.п. Эталонным видом проявления этого способа эмоциональной рефлексии можно считать пейзажные поэтические зарисовки. Органически вплетенный в канву текста, пейзаж не просто становится частью образной системы текста, но и действенным компонентом художественного психологического анализа. Лингвистическая рефлексия картин природы эмоционально двойственна. С одной стороны, пейзаж как средство психологического анализа при поддержке контекста всего сочинения исполняет самые разнообразные функции – от элементарного толкования до сложного диапазона причинно-следственных связей. С другой стороны, пейзаж специально ориентирован на выявление эмоций персонажей, раскодирование их желаний, порывов, переживаний. При объективации эмоций посредством пейзажных вербальных картин автором используются способы сопоставления и противопоставления. При первом из них общеоценочная направленность образа природы и состояния человека совпадают и воспринимаются в едином коннотативно-эмоциональном ключе. Буйство и роскошь природы, наделенной насыщенными цветовыми образами, предопределяет позитивные эмоции и выступает фоном для реализации идей добра, красоты, любви, счастья: *Почула дівчина, І в білій свитині З біленької хати Вийшла... І вийшов до неї З зеленого гаю Козак молоденький* [Там же, с. 192] / «Услышала девушка, и в белой свитке С беленького дома Вышла... И вышел к ней С зеленой рощи Казак молодой». Отмирание, угасание природы сопоставимы с негативными процессами человеческого существования и сопутствуют идеям тревоги, несчастья, страдания, эмоциональной опустошенности: *Чорніше чорної землі Блукають люди, повсихали Сади зелені, погнили, повсихали Біленькі хати, повалялись* [Там же, с. 119] / «Чернее черной земли Блуждают люди, высохли Сады зеленые, сгнили, высохли Беленькие дома, покосились»; *Нагороді коло тину Сохне на тичині Хміль зелений, не виходить Дівчина з хатини* [Там же, с. 152] / «На огороде у плетня Сохнет на шесте Хмель зеленый, не выходит девушка из дома».

Второй прием базируется на противопоставлении состояний природы и человека и формально эксплицируется контрастной семантикой сказуемых: *Посходила тая рута, В гаї зеленіє. А дівчина-сиротина У наймах марніє* [Там же, с. 160] / «Взошла эта рута, В роще зеленеет. А девушка-сирота прислужой чахнет». В отличие от предыдущего приема, объекты описания тут воспринимаются как эмоционально и коннотативно разнонаправленные – мажорная эстетика природной зарисовки контрастирует с минорным душевным состоянием человека.

Таким образом, методика ассоциативного анализа семантики перцептивной, в частности цветовой, лексики дает возможность определить авторские формы объективации эмоционального поля текста. В результате экспликации семантики цветообозначения на эмоциональную сетку текста выделены две основные стратегии.

Первая стратегия построена на основе использования лексики эмоций в контексте и реализуется посредством: а) номинации эмоции и номинации ее цветовой характеристики; б) дескрипции эмоциональной реакции; в) создания эмоционального фона смысла в результате синтагматического соединения лексем со значением эмоции и цвета.

Вторая стратегия базируется на ассоциативных точках когнитивного реагирования и экспонируется посредством: а) ассоциативного восприятия символики цвета в контекстах тематического описания внутреннего состояния персонажа; б) цветового наполнения концептов с эмоционально-коннотативным значением; в) акцентирования цветовых ассоциаций пейзажных картин.

Избранный аспект работы предполагает сопоставление стратегий эмоционального описания разных авторов в аспекте индивидуального, этнического и обобщенно-типизированного проявлений.

Список литературы

1. **Апресян Ю. Д.** Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-64.
2. **Базыма Б. А.** Цвет и психика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com/url?q=http://psyfactor.org/lib/colorpsy.htm&sa=U&ei=LePvUtf7BuWj4gTAXID4Dw&ved=0CAUQFjAA&client=internal-uds-cse&usg=AFQjCNFnHMkqZuVjcUz4JDR5WH4Hm3q93Q> (дата обращения: 24.02.2014).
3. **Болотов В. И.** Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности: основы эмотивной стилистики текста. Ташкент: Фан, 1981. 116 с.
4. **Ионова С. В.** Эмотивность текста как лингвистическая проблема: автореф. дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 1998. 19 с.
5. **Краткий словарь когнитивных терминов** / под общей ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
6. **Лакофф Дж.** Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. **Пустовіт Л. О.** Словник української поезії ХХ століття: семантико-функціональний аспект. К.: УНБЦ «Рідна мова», 2009. 243 с.
8. **Тэрнер В. У.** Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала Ндембу) // Семиотика и искусствознание. М., 1972. С. 50-81.
9. **Шевченко Тарас.** Зібрання творів: у 6-ти т. К.: Наукова думка, 2003. Т. 1. 784 с.
10. **Шевченко Тарас.** Зібрання творів: у 6-ти т. К.: Наукова думка, 2003. Т. 2. 784 с.
11. **Яворська Г. М.** Мовні концепти кольору (до проблеми категоризації) // Мовознавство. 1999. № 2-3. С. 42-50.

**STRATEGIES OF PERCEPTUAL FORMATION OF TEXT EMOTIONAL FIELD
(BY THE MATERIAL OF T. SHEVCHENKO'S POETRY)**

Parasin Nataliya Dem'yanovna, Ph. D. in Philology
Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine)
paranet@ukr.net

The article distinguishes two strategies of T. Shevchenko's poetry emotional field formation by means of colour naming. The nominative-descriptive strategy involves the use of emotions vocabulary by the poet that gets additional coloristic characteristics in the text. The associative descriptive strategy is a method of the formation of text emotional field by only the means of colour naming without verbal reference to a particular kind of character's emotional state.

Key words and phrases: perceptual vocabulary; colour naming; vocabulary of emotions; poetic speech; language of T. Shevchenko poetry.

УДК 81'42

Филологические науки

Данная статья посвящена рассмотрению иронии как сложного дискурсивного феномена, проявляющегося в политическом медиа-дискурсе и реализующего его манипулятивный потенциал за счет возможности имплицитного выражения авторской оценки. Ирония выступает не только как стилистическая фигура, но как многоаспектное и многоплановое явление, которое репрезентируется в дискурсе посредством использования языковых средств лексического и синтаксического уровней, в совокупности создающих единый иронический контекст.

Ключевые слова и фразы: ирония; политический медиа-дискурс; языковые средства; манипулятивность; информационно-аналитическая статья; тропы.

Печенкина Полина Евгеньевна

Васильева Светлана Леонидовна, к. филол. н.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
vasilyeva_sl@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ИРОНИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ[©]

В рамках современной лингвистической парадигмы особый интерес для исследователей представляет изучение различных институциональных форм общения, в рамках которых языковые средства служат выполнению специфических функций, обуславливающих возможность реализации социальных институтом своих целей. Одним из ключевых социальных институтов является институт власти, который, как указывают наблюдения лингвистов различных научных направлений, активно использует манипулятивный потенциал языка в таких дискурсивных практиках, как политический дискурс и политический медиа-дискурс. Именно последний является объектом исследования данной статьи, посвященной изучению специфики манипулятивного аспекта функционирования языка в качестве средства осуществления политики посредством СМИ. Предмет исследования составляют языковые средства реализации иронии как одного из способов осуществления воздействия на массового адресата путем опосредованного выражения авторской оценки и создания многоплановости текста. Материалом исследования послужили 80 единиц репрезентации иронии, отобранные из 50 информационно-аналитических статей на французском языке, опубликованных в таких изданиях, как «Le Monde», «Le Figaro», «Atlantico», «Libération», «La Tribune», «L'Humanité».